

Документальное и художественное в русском летописании: к историографии проблемы

В историографии летописания можно выделить несколько блоков проблем, связанных темой документального и художественного, с одной стороны, и устного и письменного — с другой. Эти два источника летописания историографически связаны.

Издание П.М. Строевым «Софийского временника» признавалось современниками классическим¹. В предисловии высказывалась новая мысль о том, что «наши летописи есть не что иное, как сборники». П.М. Строев полагал, что когда-то в древности летописи составлялись как годовые записи событий, происходящих в той или иной местности (городе или княжестве). Они велись очевидцами, излагавшими то, чему свидетелями были сами, или то, о чем знали по слухам. В каком-то смысле это был документ, беспристрастная фиксация происходящего. Но эти первоначальные летописи до нас не дошли, а дошли уже результаты переработки первичных текстов, осуществленной в других центрах и в более поздний период. Тогда под рукой редакторов, которых Строев именует «невежественными собирателями» и которые были отдалены по времени от описываемых событий, из нескольких летописей были составлены некие общие сборники, или «своды». В них вносилось то, что казалось важным редактору. Наиболее ранний из таких сводов, дошедших до нас, — Лаврентьевская летопись. В отечественной историографии принято писать о «методе Строева», подчеркивая его оригинальность и считая, что именно он «открыл» идею летописного текста как свода. Но сравнение такого подхода к летописным памятникам с германской школой изучения некоторых древних текстов показывает, откуда у П.М. Строева могла возникнуть столь необычная на фоне работ его времени мысль о сводном характере дошедших до нас летописей. Дело в том, что как раз в это время в европейской текстологии шел спор о природе текстов Гомера. До конца XVIII в. было принято считать, что поэмы «Илиада» и «Одиссея» — это цельные авторские сочинения.

Такой подход давал возможность видеть единую основу всей античной культуры: выводить ее из Гомера. Нельзя не увидеть здесь прямую аналогию с тем, как исследователи русских летописей смотрели на «Повесть временных лет», считая ее цельным произведением, сочиненным одним автором — монахом Нестором, и именно поэтому называли эту летопись просто «Нестором». Так видел «Повесть» А.Л. Шлецер, но уже современники Строева, не только «скептики» (М.Т. Каченовский), но и оппонент Каченовского М.П. Погодин, не смотрели на «Нестора» как на единовременно возникший текст. И это совпадение не было случайным².

С конца XVIII в. в Германии набирала силу новая волна критического отношения к Гомеру, у начала которой обычно ставится Фридрих Вольф. Именно он впервые написал о возможности того, что песни, из которых состоит текст Гомера, первоначально существовали отдельно и лишь позднее были сведены воедино³. Расчленение источника на составные части, не связанные происхождением, из которых выделяют более ранние и более поздние, постепенно становилось важным методом филологической критики. Таким образом, филологическая наука пришла в тот момент к закреплению нового понимания: дошедшие до нас древние тексты отражают (или могут отражать) не первоначальный вариант в самой своей структуре и вместо одного цельного произведения мы получаем много разновременных и разнонаправленных текстов (и, разумеется, разных в стилистическом отношении).

Еще в 1816 г. в европейской текстологии явилась мысль применить новое понимание Гомера к средневековым текстам, правда пока к текстам эпическим. Это была идея Карла Лахмана, в будущем — великого текстолога XIX в. В одном из своих первых трудов — в работе, посвященной «Песни о Нибелунгах», он под влиянием гипотезы Вольфа прямо написал, что если «Илиада» возникла из отдельных песен, то и «Песнь о Нибелунгах»

также могла возникнуть из еще не ясной сейчас связи самостоятельных песен⁴. В дальнейшем Лахман детально проработал эту мысль: в 1830-е гг.⁵ он последовательно развил гипотезу Вольфа, так что с этого времени стали писать применительно к «Илиаде» о методе Вольфа — Лахмана⁶.

К. Лахман исходил из убеждения, что некорректности и противоречия в содержании песен и их форме — следы правки, и на этой основе наметил расслоение «Илиады» на первоначально отдельные песни. Если есть несовпадения — это указание на стыковку текстов⁷. Метод Лахмана оставался очень авторитетным, несмотря на появившуюся критику⁸. Большинство ученого сообщества стало искать в «Илиаде» и «Одиссее» все новые и новые противоречия, нестыковки и выделять все новые и новые отдельные отрывки⁹.

Так был создан метод «атомистической критики», который стал широко применяться исследователями не только «Илиады», но и «Одиссеи». Шире — возникло представление о вероятной мозаичности древних текстов вообще, перешедшее и на исследование текстов русских летописей. Без этого представления нельзя было прийти и к вопросу о соотношении в летописи документального и художественного.

К.Н. Бестужев-Рюмин пятьдесят лет спустя сделал вывод, произведший большое впечатление на современников: «Повести временных лет» не просто предшествовали другим летописным текстам, но вся она есть «сшивная», то есть может быть разложена на составные элементы-источники. Он назвал летопись «архивом» (т.е. собранием документов, заметим сейчас это слово в связи с темой настоящей статьи). Выделяя в тексте летописи ее составные части, исследователь предложил делать это в определенной последовательности. Он заметил, что почти все тексты имеют неровный характер, распадаясь на краткие сухие записи, лишь фиксирующие события («документальные заметки»), и подробные, иногда имеющие высокую художественную ценность описания отдельных эпизодов. Причем это не всегда совпадает со значимостью событий. Первый вид летописных сообщений Бестужев-Рюмин назвал погодными записями, а второй предложил трактовать как отдельные сказания, возможно включенные в состав летописных сводов в момент их составления одновременно с сообщениями первичных летописей. Итак, тут

был уже сделан важный шаг к обнаружению в летописи «делового» и «художественного» пластов.

У Бестужева-Рюмина процесс написания сводов стал выглядеть иначе, чем у Строева. Он представлялся не работой «невежественных собирателей» (как это выглядело по Строеву), разрезавших на куски и заново сшивших, на свой страх и риск, древние княжеские летописи, но как творческий, художественный процесс. Встречающееся в историографии полное уподобление К.Н. Бестужева-Рюмина П.М. Строеву не вполне корректно, в чем следует согласиться с Хартмутом Клингером, автором монографии о К.Н. Бестужева-Рюмине¹⁰.

Руководствуясь своим методом, Бестужев-Рюмин выделил отдельные художественные сказания в тексте «Повести временных лет»: об ослеплении Василька Тербовльского, о войне Мстислава Владимировича с Олегом Святославичем, рассказ Гюряты Роговича, сказание о начале Печерского монастыря и другие известия, связанные с ним (они расценивались как отрывки отдельной Печерской летописи), первоначальное сказание о дорюриковых временах, об Аскольде и Дире, Житие Владимира Святого, Житие Бориса и Глеба и др. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что почти все выделенные Бестужевым-Рюминым отдельные сказания стали затем объектом пристального внимания А.А. Шахматова. Причем некоторые из них (о Васильке Тербовльском, Житие Владимира, о Борисе и Глебе и др.) Шахматов также определял как вставные, хотя и базировался при этом на иной системе рассуждений.

Метод, разработанный Бестужевым-Рюминым, сразу стал очень популярным и нашел массовое применение. Именно таким образом стало принятым исследовать все древнерусские летописные памятники. Прежде всего, в них теперь выделяли художественные «сказания» и краткие, деловые «погодные статьи».

С.Ф. Платонов был прямым учеником К.Н. Бестужева-Рюмина. Он целиком воспринял его приемы изучения летописей путем «расшивки». Хотя сам Платонов не занимался классическим летописанием, но применил эти приемы даже в работе с историческими повестями начала XVII в.¹¹, хотя речь здесь шла о сочинениях другого типа и более поздних, чем летописи. Например, свой анализ Нового летописца (произведения, соз-

данного в середине царствования Михаила Федоровича, которое, несмотря на название, никак нельзя уже считать «летописным сводом» в понимании П.М. Строева) С.Ф. Платонов строил исходя из выделения в его тексте записей летописного характера и «литературно обработанных» повестей, имеющих признаки отдельных сказаний¹². В 1945 г., с большим разрывом во времени, появилась еще одна работа, посвященная Новому летописцу, — статья (по сути, мини-монография) Л.В. Черепнина¹³. В определенном смысле он придерживался взглядов С.Ф. Платонова и также исходил из двойственности состава памятника, но объяснял эту двойственность иначе, к чему вернемся ниже. Сейчас отметим, что Л.В. Черепниным применительно к Новому летописцу была высказана мысль о том, что в московский период летописание велось при Посольском дворе. Идея была воспринята большинством ученых, и с этого момента такое использование официальных архивов считалось само собой разумеющимся.

Интересно, что под обаянием этого тезиса оказались не только историки, но и филологи. Д.С. Лихачев распространил его на Древнюю Русь. Если обратиться к его кандидатской, а также докторской диссертациям, можно увидеть явную связь с этой идеей. В основе представления Лихачева об истории текста «Повести временных лет» лежит идея двух слоев: «чрезмерная краткость летописных записей XII в. смущала даже привычного ко всякому лаконизму новгородского летописца позднейших веков», поэтому позднейшие летописцы дополняют древний текст, «когда краткость последнего очевидно затемняла смысл изложения»¹⁴.

В докторской диссертации 1947 г. Д.С. Лихачев обратил внимание на «родовые предания», или «устные летописи», которые определили в значительной части изложение старших киевских летописцев. Устные истоки летописания подчеркивались в разделах, посвященных прямой речи и диалогу в летописях XI–XII вв. Автор считал, что «к моменту перехода к нам славянской письменности русский язык был способен к выражению весьма сложного содержания, имел и некоторые устоявшиеся приемы речи юридической, воинской»¹⁵. К другим важным новшествам Д.С. Лихачев относил «проблему исторической достоверности», которая «составляла основную проблему повествовательной литературы Древней Руси»: «Всякий повествова-

тельный сюжет в русской средневековой литературе рассматривался как исторически бывший, как нечто, чему свидетелем был сам автор или те, от кого он слышал его или у кого читал».

Общий тезис, вынесенный на защиту, таков: «...московская традиция XVI в. вести летописание при Посольском дворе оказывается имеющей корни еще в монгольской Руси». Интерес к «истории в устной традиции» вел Д.С. Лихачева далее к поиску в «Повести временных лет» «родовых преданий», к обнаружению там точного воспроизведения «высокоразвитой устной речи», «выработавшей традиционные формы в посольской, воеводской и воинской практике», и влияния «фольклорного диалога на диалог русской летописи». Отсюда — «обилие жизненно реальной прямой речи, диалога и связь с историческими преданиями знатных родов», что, по мнению Лихачева, отличает русскую летопись от византийских и западноевропейских хроник. Хорошо известно, что Д.С. Лихачев находил в «Повести временных лет» в составе Древнейшего свода два основных слоя: с одной стороны, церковные сказания о первых русских христианах, а с другой — народные предания о первых русских князьях-язычниках. Эти слои «различаются и идейно и стилистически» и, «если отделить друг от друга эти два слоя, то сразу заметим». Что и предлагал сделать Лихачев. Если разделить слои, то церковные сказания составят одно целое законченное повествование о начале христианства на Руси. Слой устных преданий лишь прикреплен к ним и не может составить самостоятельного произведения. Лихачев выделял шесть различных произведений, объединенных темой прославления христианства Руси и единством стиля: сказания о крещении и кончине Ольги, о варягах-мучениках, о крещении Руси (включая речь философа и похвалу Владимиру), сказание о Борисе и Глебе и похвала Ярославу Мурому под 1037 г. Любопытно, что почти все они были в свое время выделены как отдельные сказания и К.Н. Бестужевым-Рюминым. Другие были выделены и изучались Шахматовым.

Так, в рассказе о кончине Ольги Д.С. Лихачев на основе смыслового анализа увидел те же два различных слоя. В частности, к разным слоям относятся два сообщения о погребении Ольги: в одном случае — всенародное погребение, в другом — тайное. Эту деталь

заметил еще А.А. Шахматов, но, верный своему принципу видеть везде в основе летописи погребенные под поздними наслоениями своды, то есть «памятники однородные», Шахматов и здесь разглядел следы переработки предшествующих сводов. Лихачев же увидел в этом эпизоде два разнородных материала: устный и письменный.

Историки того времени рассматривали связи документального и художественного в несколько ином аспекте. Они хотели увидеть документы непосредственно среди источников летописного текста. Прежде всего, речь идет о Л.В. Черепнине, который вслед за С.Ф. Платоновым взялся за изучение источников Нового летописца, руководствуясь той же логикой, что и учитель. Он предположил два центра составления памятника: Посольский приказ и Патриарший двор¹⁶. Еще Платонов высказал мысль о том, что автор Нового летописца использовал какие-то документальные акты. Черепнин же подверг исследованию сохранившуюся послепожарную опись архива Посольского приказа 1626 г. и предположил, что составитель Нового летописца был допущен к материалам архива и прямо использовал их в работе. В свое время автором настоящих строк это было подвергнуто сомнению: сомнительным кажется не то, что это невозможно в принципе, а то, насколько материалы Посольского приказа, учитывая их состав, могли помочь составителю Нового летописца¹⁷.

Другим вопросом, который начал разрабатываться в связи с летописями и их источниками как раз в то же время, что и работа Л.В. Черепнина (1950-е гг.), был вопрос о разрядных записях и отражении их в тексте летописи. До сих пор любое совпадение текста с данными разрядов заставляет исследователей предполагать, что именно разрядные записи (т.е. документальный источник) были положены в основу летописного текста. Впервые это утверждал И.И. Смирнов в своей знаменитой книге о восстании Болотникова¹⁸. Новый летописец — один из главных источников при реконструкции хода восстания, кроме него исследователь широко использовал Карамзинский Хронограф и Иное сказание. Смирнов поднял вопрос о разрядных записях как возможных источниках многих нарративных текстов. Известно, что нет официальных разрядов за Смуту, но текст во многих повестях похож на разрядные записи. В книге везде отмечается соответствие Ново-

го летописца записям разрядов, для И.И. Смирнова они однотипные источники. Потом, применительно к другим памятникам, это отмечали многие.

Однако встает вопрос о степени схожести нарратива и документа. Сделав вывод об однотипной природе разрядов и Нового летописца, Смирнов все время искал соответствия между известиями и, действительно, выявил много случаев таких соответствий. Известие Нового летописца о взятии Коломны Болотниковым противоречит рассказу Конрада Буссова о том, что Коломну взяли отряды Истомы Пашкова¹⁹. По Смирнову, источником рассказа Нового летописца является «какая-то разрядная запись» и обращение к одной из разрядных записей, опубликованной С.А. Белокуровым, «позволяет существенным образом изменить отношение к версии Нового летописца», так как «не трудно заметить зависимость летописного текста от разрядов». Автор Нового летописца, по предположению И.И. Смирнова, заменил перечень бояр на общую фразу «все бояре». Но источником Нового летописца все же была не именно эта разрядная запись, а какая-то другая, так как еще большая близость наблюдается между его рассказом и еще одной записью, также опубликованной Белокуровым и представляющей позднейшую обработку первой записи.

Так у Смирнова получилось сложное многоступенчатое построение, согласно которому первая гипотетическая запись была обработана во второй записи и далее еще большей обработке подверглась в Новом летописце, где «текст обработан гораздо более органично». Из двух походов против восставших получился один, где «сохранились признаки его происхождения» в виде некоторой стилистической неловкости. Разумеется, это построение можно оспорить. Но видно, что И.И. Смирнов понимал всю сложность решения вопроса о разрядах и летописи. Строго говоря, ни в одном случае исследователь не показал заимствование текстов, только совпадение сюжетов. Отсюда, как представляется, и необходимость реконструкции промежуточных этапов.

Последующие авторы, которые обращались к этому сюжету, видели свою задачу более простой: например, Л.Е. Морозова, которая в своей монографии, посвященной повестям о Смуте, прямо возводит все места, совпадающие по сюжетам с разрядами, к раз-

рядным записям²⁰. Если Смирнову потребовалась реконструкция, чтобы из разрядной записи «сделать» текст Нового летописца, то Морозовой оказалось достаточно сюжетного сходства. Все, по сути, сводится к одному вопросу: мог ли просто браться сюжет из документа и переноситься в текст нарративного памятника или же нет? Другими словами, мы не знаем, что и как заимствовало: сюжеты или письменные конструкции. Мы недостаточно знаем также, какую роль тут играла стилистическая обработка. Мы не представляем, могла ли так широко в составе одного памятника практиковаться обработка целого комплекса документов, чтобы он превратился в повествовательный текст.

Разрядные записи призваны были фиксировать служебные назначения. Среди известных источников о Смуте и начале династии Романовых выделяются несколько, содержащих особенно много сведений об участии в этих событиях служилых людей. Это, во-первых, Новый летописец, во-вторых, одно из его продолжений, известное как Летописец 1686 г., в-третьих, так называемый Карамзинский, или Столяров, хронограф²¹ и, наконец, «Повесть о победах Московского государства»²². Составитель Карамзинского хронографа подробно описал только те события, в которых принимал непосредственное участие. В других же случаях он дал краткие сообщения о наиболее известных фактах Смуты и послесмутных лет, отчасти искаженных, или вставил целые отрывки разрядных росписей. Причем видно, что это действительно отрывки из разрядов с перечислением десяти и более имен воевод и стрельческих голов по полкам: воспроизвести такой список по памяти было бы невозможно. Повествовательность в этих местах (их в тексте хронографа более десяти) отсутствует. Таким образом, есть разница между действительными отрывками из разрядов в Карамзинском хронографе и текстом Нового летописца, где имеет место скорее изложение тех же событий, что и в разрядах. И можно также предположить, что их просто нельзя было изложить иначе, так как сознание современников было пронизано духом местничества и всегда останавливалось на разного рода служебных назначениях.

Если обратиться к «Повести о победах Московского государства», увидим сходную картину. Подробно описаны события, свидетелями которых был составитель. Г.П. Енин считает, что он использовал разрядные записи. Но это представляется сомнительным:

сопоставление с Карамзинским хронографом показывает, что в «Повести о победах Московского государства» читаются не настоящие списки воевод в соответствии с разрядными записями, а лишь названия одного, двух или трех первых военачальников — всем знакомых людей. Эти сведения могли быть широко известны и воспроизведены по памяти.

Чаще всего при сличениях повествовательных памятников с разрядными записями исследователи указывают на описание свадеб, погребений и других дворцовых церемоний, обращается внимание на совпадение имен и некоторых отдельных фраз. Но такие отрывки, несомненно, отражали штампы²³. Очевидно, что вообще отыскать прямые следы текстов документов в поздних летописцах чаще всего невозможно. Исключение составляют такие памятники, как, например, Иное сказание и другие компиляции из разных исторических повестей, в которых тексты документов просто приведены целиком. В одной из редакций Нового летописца в текст полностью вставлена окружная грамота Василия Шуйского на Тару²⁴. Такая традиция существовала с самого начала летописания, если вспомнить тексты договоров Олега и Игоря с греками в составе «Повести временных лет».

Работа с другими списками поздних компиляций также показывает, что источники чаще всего вставлялись в текст целиком или же в выдержках (Карамзинский хронограф), но не в таком переработанном виде, как в Новом летописце, если предположить, что его составитель действительно напрямую использовал тексты разрядов²⁵. Однако это может относиться не ко всем типам повествований. Представляется перспективным дальнейший сбор материала и исследование влияния деловой письменности (приказного делопроизводства) на стиль поздних повествовательных произведений, что будет развитием направления, в которое уже много лет большой вклад вносят труды Е.К. Ромодановской²⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Софийский временник. Ч. 1–2. М., 1820–1821.

² Подробнее см.: *Вовина-Лебедева В.Г.* Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. СПб., 2011. С. 134–149.

³ См.: *Wolf Fr.A. Prolegomena to Homer / Transl. by A. Grafton, C.W. Most, J.E.G. Zetse. Princeton, 1985* (оригинальное изд. 1795). Хорошее изложение состояния проблемы на конец XIX в. со специальным акцентом на трудах К. Лахмана см.: *Ilg A. Über die Homerische Kritik seit F.A. Wolf. Die Wolf-Lachmann'sche Richtung // Programm des kgl. Würtemb. Gymnasiums in Ravensburg, 1891. S. 1–28*. См. также классическую работу итальянского исследователя: *Timpanaro S. La genesi del metodo dei Lachmann. Florenz, 1963* (англ. пер.: *Timpanaro S. The genesis of Lachmann's method. Chicago, 2005*).

⁴ *Lachmann K. Habilitationsschrift über die ursprüngliche Gestalt des Gedichts von der Nibelungen Noth. Habilitationsschrift. Berlin: Dümmler. Göttingen, 1816*.

⁵ См.: *Lachmann K. Betrachtungen über Homer's Iliad // Abhandlungen der Berliner Academie. Hist.-philol. Klasse. 1837, 1841, 1843* (отд. переизд.: Berlin: Reimer, 1847, затем в 1865 и 1874 гг.).

⁶ *Ilg A. Über die Homerische Kritik... S. 13*.

⁷ *Ibid. S. 2*.

⁸ Якоб Гримм в речи о Лахмане говорил, что все более уклоняется от лахмановских тезисов (см.: *Grimm J. Rede auf Lachmann // Kleine Schriften. Bd 1. Berlin, 1851. S. XI*); А. Ильг приводит мнения и других критиков XIX в.: Хольцман также писал о ненадежном основании лахмановской критики; Бониц спрашивал: какая степень внутреннего единства требуется для того, чтобы признать произведение цельным; Бернгарди писал о том, что нельзя требовать, чтобы эпос изначально был лишен противоречий, и что некоторые авторы, единство текстов которых очевидно, также не избежали противоречий (см.: *Ilg A. Über die Homerische Kritik... S. 25–28*).

⁹ Об этом см., напр.: *Лихачев Д.С. Текстология. Л., 1983. С. 10–22*.

¹⁰ *Klinger H. Konstantin Nikolaevič Bestužev-Rjumins Stellung in der russischen Historiographie und seine Tätigkeit. (Ein Beitrag zur russischen Geistesgeschichte des 19 Jahrhunderts). Frankfurt am Main; Bern, 1980. S. 75–76*.

¹¹ *Платонов С.Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в. как исторический источник. СПб., 1888; 2-е изд. СПб., 1913*.

¹² Там же. 2-е изд. С. 332–335.

¹³ *Черепнин Л.В. «Смута» и историография XVII в. // Исторические записки. М., 1945. Т. 14*.

¹⁴ См. подробнее: *Вовина-Лебедева В.Г. Школы исследования... С. 449–495*. Выражаю благодарность Отделу древнерусской литературы Пушкинского Дома за разрешение работать с неопубликованным текстом кандидатской диссертации Д.С. Лихачева «Новгородские летописные своды XII в.» (см. л. 222). См. также текст его докторской диссертации «Очерки по истории форм летописания XI–XVI в.» (РО ИРЛИ, ф. 769 (архив Д.С. Лихачева), л. 4).

¹⁵ *Лихачев Д.С. Очерки по истории форм летописания... Л. 6*.

¹⁶ *Черепнин Л.В. «Смута» и историография XVII в. С. 87–97*.

¹⁷ *Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец: История текста. СПб., 2004. С. 196–211*.

¹⁸ *Смирнов И.И. Восстание Болотникова. Л., 1951*.

¹⁹ Там же. С. 164.

²⁰ *Морозова Л.Е. Смута начала XVII в. глазами современников. М., 2000*.

²¹ *Попов А. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 321–379*.

²² *Повесть о победах Московского государства / Изд. подгот. Г.П. Енин. Л., 1982*.

²³ См.: *Вовина-Лебедева В.Г. Школы исследования... С. 31, 32, 211–216*.

²⁴ Там же. С. 83–86.

²⁵ *Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец с продолжением до 1645 г. // In memorem: Сб. памяти Я.С. Лурье. СПб., 1997. С. 296*.

²⁶ Не перечисляя всех работ Е.К. Ромодановской, касающихся этой проблемы, укажем некоторые: *Ромодановская Е.К. Русская литература на пороге нового времени. Пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск, 1994. С. 83–96*; см. также статью по материалам доклада на IV Лихачевских чтениях (30 ноября 2011 г.): *Ромодановская Е.К. К вопросу о документальности в агиографии XVII века // ТОДРЛ (в печати)*.